

езжему европейцу Гонзаго, гибнет от турецкой пули сын-подросток. «Абстрактный человек», каким был Багратян до этой поездки на родину, обретает национальные корни. Положение осажденных кажется безнадежным но помощь приходит с моря, от стоявшей поблизости англо-французской эскадры. Переведя всех оставшихся мусадатцев на французские суда, Багратян возвращается на гору проститься с могилой сына. Тут и настигает его пуля турецкого снайпера.

В основе повествования об осаде горы Муса-даг лежат реальные исторические события, но главный герой романа Габриэл Багратян — лицо вымышленное, что дало известную свободу автору в изображении внутренней жизни этого персонажа. В экстремальных условиях осады Багратян сбрасывает европейскую мишуру и становится сначала сыном, а потом и отцом своего народа. Почему Багратян, спасший свой народ, уходит один на вершину Муса-дага, где его ждет смерть? Верфель словно хочет сказать нам, что после всего пережитого возвращение к размеренной и уютной жизни парижского искусствоведа для Багратяна невозможно. Он уже совершил главное дело своей жизни — вывел свой народ к свободе. За достоверным историческим повествованием угадывается символический библейский план: не случайно само название Муса-даг значит в переводе гора Моисея.

Претерпевает изменения и жанр повествования. То, что вначале напоминало напряженный приключенческий роман, постепенно перерастает в героический эпос. Каждой из трех частей романа предпослан эпиграф из Апокалипсиса, как бы соотнося события романа с высоким библейским звучанием.

Не часто бывают такие чудеса в истории литературы, написанная на немецком языке книга австрийского писателя стала национальной книгой армянского народа. Только за последние шесть лет и только в русском переводе она вышла в Ереване тремя изданиями общим тиражом в четверть миллиона экземпляров. «Сорок дней Муса-дага» — роман о первом геноциде XX века, роман-предупреждение.

С. Джимбинов.

ВОЛЕ ШОЙИНКА. Избранное. Перевод с английского. М. «Радуга» 1987. 540 стр.

Нигериец Воле Шойинка, в 1986 году удостоенный Нобелевской премии по литературе, относится к тем писателям, которым тесно в рамках какого-либо одного жанра. Роман, повесть, пьеса, стихи, составившие книгу «Избранного», достаточно полно характеризуют жанровое разнообразие его творчества.

В начале XX века мировая культура открыла для себя Африку. В негритянской скульптуре, музыкальных ритмах западное искусство искало и обрело новые стимулы для собственного развития. Однако знакомство это было все-таки поверхностным. Глу-

бинная суть африканских духовных ценностей оставалась недоступной, ибо внешний мир смотрел на Африку как бы со стороны, глазами европейских и американских художников, поэтов, музыкантов. Сами же африканцы пока молчали.

Они обрели голос гораздо позднее, когда начала рушиться колониальная система. Миссия рассказать миру о своей родине и о себе от первого лица выпала писательскому поколению, одной из ярких фигур которого стал Воле Шойинка. Развеять предвзятость по отношению к прошлому и настоящему поруганного колониализмом континента, объяснить смысл местных обычаев, разрушить миф о мнимой неполноценности чернокожих народов — такие задачи с самого начала выдвинулись на первый план африканской литературы.

Наиболее известный роман Воле Шойинки, открывающий книгу его произведений, многозначительно назван «Интерпретаторы». Изданный в 1965 году, он воссоздает образы представителей нигерийской интеллигенции, критически осмысляющей сложные вопросы бытия. Журналист Саго, художник Кола, инженер Секони, министерский работник Эгбо, преподаватель Банделе — годы их физического и нравственного возмужания совпали с переломным моментом в судьбе Африки, только-только обретшей политическую свободу. Эти молодые люди — толкователи, спорщики, непоседы — производят сложное впечатление. Они определенно талантливы, их искренность не вызывает сомнения. Им бы горы ворочать, столько в них потенциальной силы. Но смогут ли? Не растрачивается ли вся их энергия в бесконечных разговорах, весьма далеких от настоящих дел? В этих парнях чувствуется некая усталость, будто история взвалила на их плечи непосильную ношу. Первые годы независимости многим в африканских странах принесли разочарование. Скепсис, часто звучащий в высказываниях героев Шойинки, понятен. Они видят, что идеалы антиколониальной борьбы предаются дорвавшимися до власти халугами. Нечистые на руку бюрократы грабят страну. Все идет совсем не так, как мыслилось еще недавно. Дорога к процветанию оказалась труднее, ухабистее. А вот к этому-то нетерпеливые интерпретаторы кажется, и не готовы.

Образованным людям их поколения вскоре предстояло встать в авангарде общества. Пройдет несколько лет, и их среда выдвинет министров, генералов, руководителей промышленности. Преодолеют ли они соблазн пустого интерпретаторства, когда настанет пора конкретных поступков? Похоже, уже в том, раннем, романе Шойинка предвидел серьезную опасность, которую представляют слова далекие от дел. Последующие трагические для Нигерии события: государственные перевороты, гражданская война, экономические неурядицы — подтвердили его опасения. Со временем восприятие романа читателями претерпевает изменение. Сочувствия героям, с деятельностью которых двадцать лет назад связывались надежды на будущее Африки, заметно поубавилось. Уж слишком часто в трудные моменты национальной истории повзрослевшие интерпретаторы оказывались не на высоте.

Повесть «Аке, годы детства» переносит нас в Нигерию накануне второй мировой войны. Шойинка рассказывает о формировании личности в обществе, переживающем ускоренную ломку исконных устоев. Центральный образ повести — образ мальчика — автобиографичен. Возможно, отсюда лирическая окрашенность в его изображении. Однако несмотря на некую камерность повествования, писатель ведет речь о серьезнейших проблемах современной Африки, особое внимание автора привлекает проблема поверхностного приобщения к чужой культуре.

Все, что пишет Шойинка, питается любовью к народной культуре, ее глубоким знанием. Можно даже сказать, что в его книгах избыток культурологической информации, однако Шойинку не упрекнешь в поверхностном этнографизме. Реалии африканской культуры для него не только источник самобытной образности, но и отправная точка для философского осмысления нравственных коллизий. Это в полной мере относится к впервые публикуемой на русском языке пьесе «Смерть и конюший короля», а также подборке стихотворений разных лет, вошедших в том «Избранного».

Широкое признание творчества Воле Шойинки — свидетельство растущего авторитета африканской литературы. Голоса ее мастеров звучат все весомей.

Михаил Вольпе.

ВЛ. НОВИКОВ, Диалог. М. «Современник». 1986. 270 стр. «Думайте поступками». «Октябрь», 1987. № 6.

Критика Вл. Новикова — это критика «быстрого реагирования», мобильная, не знающая тылов и обозов литературной политики, оснащенная оружием ясной теоретической формулы. Отсюда — постоянный выход автора книги «Диалог» к проблемам теории, его установка на спор, который «может быть следствием более глубокого понимания, чем безотчетное согласие» (так сказано в статье «Теоретический темперамент»; впрочем, свой собственный темперамент Вл. Новиков держит в узде; постоянно споря, он все же редко идет на конфликт с сильными мира сего). Из того же корня — интерес к пародии с ее разящей сжатостью («Зачем и кому нужна пародия») и напряженное внимание к рассказу и новелле с их верностью «сестре таланта» («Думайте поступками»).

Последнее особенно важно. Тот, кто прочтет подряд статьи, составившие сборник, заметит их тяготение к новеллистичности. Путь от жестких начальных посылов к парадоксальным финалам краток, обозрим; статьи рассчитаны на чтение в один присест. Так, о поэзии Анатолия Жигулина («Чистый звук») и до Новикова писали много; есть даже книжечка, принадлежащая перу А. Ланщикова, но там жигулинские стихи как бы обрастали размышлениями и комментариями, они разжижались; здесь же критические формулировки заставляют вспомнить о емкости формулы: глубоко содержательный зазор «между бук-

вальным значением фразы и ее настороженной, слегка вопросительной интонацией — таков поэтический почерк Жигулина». Но почти в той же мере, в какой новеллистическая критика Вл. Новикова противостоит тяжелой артиллерии объемистых штудий, обособлена она и от детальной прописанности литературного портрета. Скажем, сегодня, когда на читателя вместе с несколькими (немногими) серьезными работами буквально обрушился поток прогрессистских словопрений о поэзии Высоцкого, по-прежнему сохраняет свою ценность даяняя, написанная задолго до официального разрешения статья Вл. Новикова. Эффектным, социально острым, но не всегда подтверждаемым качеством приводимых цитат суждениям критик предпочел ясную формулировку: Высоцкий — режиссер во всем, и в поэзии и в искусстве; по законам режиссуры построены его стихи, где слабые строки тоже задействованы как актеры на вторых ролях.

Новеллистической сжатости, владению формой Вл. Новиков учился у классиков русской литературоведческой мысли XX века, которым посвящены, быть может, лучшие его новеллы; «Что такое литература» (о Ю. Тынянове), «Истина впереди» (о В. Шкловском), «Школа анализа» (о Б. Эйхенбауме), «Слово и слава» (о М. Бахтине), «Уточнение истины» (о В. Жирмунском). Написать о теоретиках в книжке, рассчитанной на широкого читателя, — задача особой трудности, и тут Вл. Новикова спасает его тяга к простому — не чуждому метафоричности, но отнюдь не «философизированному» — способу изложения. Вообще своими взаимоотношениями с читателем автор явно озабочен; он активно идет на контакт, используя и игривые инверсии, и обаяние веселости. Это хорошо, пока ему не изменяет чувство меры и не возникает ощущение перебора, когда хочется чуть отодвинуться, как в тесном автобусе, где к тебе слишком плотно прижимаются плечом или дышат в лицо. И еще одного упрека заслуживает теоретический раздел книги — повторяю, лучший в ней. Понятно, что автор формировался в атмосфере «младоформализма» конца 60-х годов, но законы справедливости все-таки нужно соблюдать. Если портрет Тынянова дан на фоне всей опоязовской школы, то Бахтина — обособленно, с некоторым принижением, не в характерном для него ряду, как если бы у него не было замечательных предшественников и единомышленников: Г. Г. Шпета, Б. М. Энгельгардта, С. А. Аскольдова, Л. В. Пумпянского.

И еще одно соображение.

«Диалог» разошелся очень быстро, получил благожелательную прессу, но особого шума в литературном мире не произвел. Это характерно. Запросы писательской среды и запросы просто интеллигентного читателя нынче слишком далеко разошлись. Первая живо откликается лишь на прямой публицистический вызов, на схватку самолюбий, на обзор самых модных вещей — от «Детей Арбата» до «Все впереди». Второй ждет трезвого, теоретически точного, не затянутого, обязательно не затянутого (некогда!) разговора о самой сути произведений, не искажая и «Детей Арбата» и «Все